

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

Х. Люк

История психологии: методология и методы

Эта статья подготовлена автором специально для данного издания на основе первой главы книги «История психологии» (Люк Х. История психологии. – М., Научный мир, 2012)

На примере нескольких распространенных в современной истории психологии заблуждений показано, что научно-историческая действительность сложнее, чем она представлена в лекциях и литературе, создающих впечатление непрерывного и логичного развития психологии как научной области. Наиболее часто ошибки связаны с обратной экстраполяцией современной ситуации в прошлое, без учета того, что развитие отнюдь не происходит прямолинейно. Так, психология не является сугубо экспериментальной наукой, в ней всегда была «рассуждающая», философская часть. Научная психология в Германии во время национал-социализма утратила свой уровень и включенность в международное профессиональное сообщество, однако в это же время произошло качественное развитие психологии, институционализация ее как профессии. Психоанализ не является сугубо австрийско-немецким явлением, которое после добровольной или вынужденной эмиграции видных психоаналитиков было восторженно принято в США, его расцвет можно было наблюдать в Восточной Европе и России после Октябрьской революции. Существуют различные модели написания истории психологии: описание значимых событий и вкладов выдающихся личностей; история идей, представляющая развитие концепций, теорий и парадигм в науке; история проблем, заключающаяся в систематизации фундаментальных вопросов; социальная история науки, концентрированная на анализе отдельных школ и институтов психологии; контекстуальная история. Дано представление об основной инструментальной истории психологии: работа с источниками; герменевтическая интерпретация текстов; библиометрический анализ; «устная история». Подчеркивается роль архивов и музеев, содержащих важные для историков психологии материалы.

Ключевые слова: методология психологии, история психологии, модели написания истории психологии, психологии времен национал-социализма, психоанализ в России, методы историко-психологического исследования, архивы по истории психологии.

PSYCHOLOGY

Kh. Luk

Psychology History: Methodology and Methods

On the example of several delusions, widespread in modern psychology history, it is shown that the scientific and historical reality is more difficult, than it is presented in lectures and literature making an impression of continuous and logical development of psychology as a scientific area. Most often mistakes are connected with the fact that there is the return extrapolation of a modern situation in the past, without taking into account, that development doesn't happen rectilinearly at all. So, psychology isn't an especial experimental science, it always has an «arguing», philosophical part. Scientific psychology in Germany during national socialism lost the level and inclusiveness in the international professional community, however at the same time there was a high-quality development of psychology, its institutionalization as profession. Psychoanalysis isn't an Austrian-German phenomenon which after voluntary or expatriation of prominent psychoanalysts was enthusiastically accepted in the USA, its blossoming could be observed in Eastern Europe and Russia after the October Revolution. There are various models of writing psychology history: description of significant events and deposits of outstanding persons; the history of the ideas representing development of concepts, theories and paradigms in science; the history of problems consisting in systematization of fundamental questions; the social history of science concentrated on the analysis of different schools and institutes of psychology; contextual history. The idea of the main tools of the historian of psychology is given: work with sources; hermeneutical interpretation of texts; bibliometric analysis; «oral history». The role of the archives and museums containing materials, important for historians of psychology, is emphasized.

Keywords: psychology methodology; psychology history; models of writing psychology history; psychology of national socialism times; psychoanalysis in Russia; methods of a historical and psychological research; archives on psychology history.

Психологи долгое время несколько небрежно обращались с историей своей дисциплины. Это привело к распространению недоразумений. Три примера распространенных в Германии заблуждений должны показать, что иногда историческая реальность была не такой, как можно слышать в лекциях по психологии или прочесть в психологической литературе.

После Второй мировой войны отношение психологии к национал-социализму никогда не обсуждалось подробно – ни психологами, ни историками. Возможно, студент-психолог имел определенные представления о психологии в Вермахте, о запрете психоанализа во время нацизма и о вынужденной эмиграции выдающихся психологов-евреев. В некоторых университетах внимательные студенты заметили также, что часть литературы по психологии, изданной в 1933–1945 гг., исчезла из библиотек психологических институтов. Однако отношение психологии к национал-социализму едва ли обсуждалось серьезно.

Если эта тема и поднималась преподавателями высшей школы, это происходило отчасти для того, чтобы оправдать себя или поставить рядом с национал-социализмом, критиковать или очернить коллег или целые направления, особенно это касалось лейпцигской школы психологии целостности. Но в целом преподаватели и студенты были рады забыть эти «темные» времена. Широко распространилось мнение, что психологические исследования пострадали при национал-социализме; национал-социалисты вообще были настроены против психологии, ведь был же запрещен психоанализ и в конце концов психология в Вермахте просто прекратила свое существование. Короче говоря, во время национал-социализма психология пережила свой упадок, от которого вынуждена была с трудом оправляться.

В течение десятилетий эти представления были распространены практически как бесспорные. Только в начале 80-х гг. последовали первые значительные изыскания и критический анализ психологии времен национал-социализма (Geuter, 1984). Эти исследования показали, что до сих пор была широко распространена полуправда о роли психологии во время национал-социализма, и отчасти это было сделано умышленно. Историческая действительность является – как часто бывает – по-настоящему сложной, и поэтому здесь нужно кратко представить некоторые факты.

По закону «О восстановлении профессионального чиновничества», принятому 7 апреля 1933 г., вскоре после захвата власти, государственные

служащие «неарийского происхождения» должны были уйти в отставку. В немецком рейхе это были пять из пятнадцати профессоров психологии: Адемар Гельб (Adhemar Gelb), Давид Катц (David Katz), Вильгельм Петерс (Wilhelm Peters), Вильям Штерн (William Stern) и Макс Вертгеймер (Max Wertheimer). Позже был освобожден от должности профессор высшей коммерческой школы Манхайма Отто Зельц (Otto Selz). Зельц эмигрировал в Нидерланды, но потом был оттуда насильственно вывезен, заключен в Освенцим, где и погиб. Курт Левин упредил свое отстранение от должности эмиграцией в США. В 1935 г. также эмигрировал гештальт-психолог Вольфганг Келер, который не был евреем, но принял такое решение, когда уже не мог защищать свой Берлинский институт психологии от вмешательства национал-социалистов. Мюнхенский профессор Курт Хубер (Kurt Huber) входил в группу сопротивления «Белая роза», был приговорен к смерти и казнен.

Но одновременно с этим «кровопусканием» в немецкой психологии происходил – если рассматривать количественно – ее значительный подъем. Во время национал-социализма расширялись старые и образовывались новые психологические институты, создавались новые кафедры, или другие кафедры преобразовались в психологические. При национал-социалистском правительстве произошло мощное развитие Вермахта и психологии в Вермахте. В 1938 г. существовало около 170 штатных единиц психологов в сухопутных и морских войсках. В Люфтваффе (военно-воздушных силах) в 1942 г. было занято около 150 психологов.

Так как до этого времени не было четкого описания профессии и, соответственно, учебного процесса подготовки психологов, то необходимость в военных психологах потребовала организации соответствующего образования. При назначении на должность профессора психологии учитывался опыт работы психологов в структурах Вермахта, особенно в области психодиагностики. В 1941 г. вступил в силу порядок сдачи экзаменов для получения диплома по психологии – так был сделан решительный шаг в направлении к утверждению психологии как профессии.

При особой лояльности Правления Немецкого психологического общества к национал-социализму многие психологи пробовали поставить свои способности на службу новой системе. Но, насколько известно, психологи не принимали активного участия в национал-социалистской пропагандистской работе, при депортациях или в концентрационных лагерях.

Отчасти то, что психология оказалась мало замешанной в национал-социалистской деятельности, зависело от положения самой психологии: правда, существуют источники, которые четко показывают, что психологи не только выполняли диагностическую работу и экспертизу при решении об усыновлении сирот в оккупированной Польше, но диагностические исследования психологов играли роль и при «детской эвтаназии», когда жизнь психически больных и умственно отсталых детей должна была быть прекращена. Benetka und Rudolph (2008) на основании обнаруженных историй болезни проследили судьбу отдельных детей и исследовали роль психологов в организации «Шпигельгрудн»¹.

В 1942 г. психологические службы сухопутных и военно-воздушных сил были распущены. Но это поразительное решение не доказывает того, что психология как научная область преследовалась при национал-социализме. Основную причину распада, пожалуй, можно видеть в том, что больше не был нужен дифференцированный прогноз пригодности к военным действиям. Кроме того, потери сухопутных и воздушных войск были так велики, что дальнейший отбор едва ли имел смысл.

Что касается запрета психоанализа, то здесь также необходима дифференцированная позиция. Это правда, что сочинения основателя психоанализа Зигмунда Фрейда публично были сожжены уже в мае 1933 г. вместе с трудами других дискриминированных национал-социалистами авторов, и что Фрейду, как и многим его ученикам-евреям, после «аншлюса» Австрии оставалась только эмигрировать, чтобы избежать более трагичной судьбы. Венский психологический институт и его оснащение были ликвидированы, а психоанализ был официально запрещен. Но это не означало, как обычно утверждают, что психоанализ как терапия больше не практиковался в Третьем Рейхе. После роспуска психоаналитического института в Берлине в 1936 г. был основан «Немецкий институт психологических исследований и психотерапии», задачей которого стало развитие немецкой «терапии души». В этом институте были сосредоточены и продолжали использоваться на практике под медицинским руководством различные направления глубинной психологии. Таким образом, утверждение об уничтожении психоанализа, в течение долгого времени поддерживаемое психоаналитиками, нужно также обозначить как легенду.

Вывод о том, что научная психология в Германии во время национал-социализма утратила свое качество и потеряла включенность в международный уровень, конечно, справедлив (хотя есть ссылки на то, что этот процесс начался еще до 1933 г.). Однако одновременно с потерей качества произошел значительный количественный и реально ощутимый рост, развитие психологии как профессии. Не нужно, конечно, понимать это высказывание как оправдание национал-социалистской идеологии. Но определенно неправильно и высказывание, что национал-социализм и психология как наука были несовместимы.

Если раскрыть специальный психологический журнал, войти в психологический институт или послушать лекцию по введению в психологию, создается впечатление, что психология всегда была экспериментальной наукой. Оглядываясь на прошлое психологии, мы сразу назовем имена Густава Теодора Фехнера (Gustav Theodor Fechner, 1801–1887), Вильгельма Вундта (Wilhelm Wundt, 1832–1920) или Джона Уотсона (John B. Watson, 1878–1958). Легко создается впечатление непрерывного и логичного развития психологии как научной области. Это очень широко распространенное заблуждение.

В психологии всегда была неэкспериментальная, рассуждающая, философствующая часть. Если говорить о трех вышеупомянутых авторах, то Фехнер под псевдонимом Д-р Мисес написал ряд сатирических произведений, а также несколько книг мистического характера; Вильгельм Вундт более двадцати лет своей жизни занимался совсем не экспериментальной психологией народов, а Джон Уотсон писал научно-популярные статьи и даже утопии, и лишь в незначительной мере пытался осуществить свой проект, связанный с бихевиоризмом. Не случайно значительная гуманитарно-научная часть прошлого психологии, а особенно те направления, которые с сегодняшней точки зрения представляются неудачными, постепенно «затемняется» и забывается. Так, даже получившие психологическое образование профессионалы с удивлением узнают, что экспериментальная психология в Германии после Второй мировой войны не была само собой разумеющейся, а рассматривалась большинством профессор-психологов как пройденный этап. Немало немецких профессоров психологии в начале 50-х гг. считали доминирующую в США экспериментальную психологию отсталой и устаревшей. Только следующему поколению психологов в конце

50-х – начале 60-х гг. удалась «реанимация экспериментальной психологии».

Наш третий пример исторического заблуждения касается совсем другой области: согласно широко распространенному предположению психоанализ является немецко-австрийским явлением, которое после добровольной или вынужденной эмиграции видных психоаналитиков было восторженно принято в США. О психоанализе в России и в других странах Восточной Европы в западно-европейской литературе можно найти совсем немного. Даже авторы, хорошо разбирающиеся в истории психоанализа, упустили из виду, что в СССР был расцвет психоанализа, советское правительство не только толерантно принимало психоанализ, но и содействовало его продвижению. 47 работ Фрейда были переведены на русский язык, и многие только после революции.

В августе 1921 г. в Москве был открыт психоаналитический Детский дом – лаборатория, который встретил резкую критику (Schmidt, 1924), но отнюдь не с позиций марксистской идеологии. Другие учреждения, публикации и создание Русского психоаналитического общества и других объединений в различных местах России (см. Nitzschke, 1989 a) позволяют признать, что психоанализ в первые годы после Октябрьской революции в России переживал свой расцвет, который закончился вскоре, при сталинизме.

Былой расцвет психоанализа в России, возможно, имел очень индивидуальные причины: может быть, это был сам Ленин, который поддерживал перевод важнейших работ Фрейда на русский язык (см. Tögel, 1988). С 1900 по 1917 г. В. И. Ленин (1870–1924) провел более 13 лет в Западной Европе. Он использовал каждую возможность посещения крупнейших библиотек. Ленин был хорошо знаком с важнейшими гуманитарными направлениями своего времени. И поэтому возможно, что Ленин имел по меньшей мере некоторые представления о психоанализе. Более того: Лев Троцкий (1879–1940) еще ранее оказался знаком с важнейшими течениями в психоанализе и был его сторонником. Наконец, нужно назвать жену Ленина, Н. Крупскую, которая очень интересовалась педагогикой и почти наверняка была знакома с идеями Фрейда о психологическом развитии. Три книги Фрейда были у Ленина в его личной библиотеке, которая и сегодня находится в Кремле (Tögel, 1988)². Ранний психоанализ в России – это еще мало изученная область.

Наши три примера показали, что ошибочные предположения существуют и отчасти широко

распространены. Они также показали, ошибки какого рода наиболее часты: отмечается обратная экстраполяция современной ситуации в прошлое, без учета, что развитие отнюдь не происходит прямолинейно. Если сегодня в России мало занимаются психоанализом, думают, что так было всегда. И это – заблуждение!

Во всех трех примерах мы задавали вопрос прошлому и пытались ответить на этот вопрос аргументами. Важно понять, что ни вопросы, ни доказательства для ответа на вопрос не появляются «сами по себе». Не существует «прошлого» или «исторической правды», из которой следует исходить. Только через обоснованную постановку вопросов в теоретическом контексте возможна научно-историческая работа. Как же иначе достичь целостности из бесконечного изобилия данных (публикаций, документов, воспоминаний, мемуаров, законов и т. д.)?

Возможно, во время чтения этой книги у вас появится желание исследовать и представить в некоторой работе жизнь и деятельность одного из еще неизвестных вам психологов. Это может быть, к примеру, Эгон Брунвик (Egon Brunswik), Роза Катц (Rosa Katz), Вильям Штерн (William Stern) или Карл Штумпф (Carl Stumpf). Как вы поступите? Можно порекомендовать составить ряд вопросов, которые вам кажутся важными, и потом обосновать для каждого вопроса кратко, почему, с вашей точки зрения, они имеют смысл. Потом составьте перечень возможных исторических источников, благодаря которым вы могли бы добраться до ответа на вопросы.

Это задание уже отчетливо показывает, что можно столкнуться с большим количеством вопросов: об этнической принадлежности, социальном происхождении, семье, братьях и сестрах, о способностях, структуре личности, школьном образовании, интересах, университетских преподавателях, профессиональном становлении, стиле жизни и работы, научных достижениях, признании в профессиональном мире, влиянии на частные дисциплины, профессию, профессиональную практику и т. д.

Долгое время историки были убеждены, что факты говорят сами за себя: главное – собрать, отсортировать и взвесить все доступные факты, чтобы достичь «исторической правды», показать, «как это было». Эту точку зрения представлял, например, Леопольд фон Ранке (Leopold von Ranke, 1795–1886), выдающийся представитель так называемой Исторической школы XIX в. Такой историзм, ориентированный на реальность, пре-

тендовал на роль точной науки. Позитивистское формирование исторической науки, по сравнению с моралистическим описанием истории, определенно было прогрессом. При более пристальном рассмотрении, однако, мы должны констатировать, что не существует исторической правды, история всегда является реконструкцией (воссозданием) прошлого, которая на самом деле является конструкцией (созданием). Уже в XIX в. Иоганн Густав Дройзен (Johann Gustav Droysen, 1808–1884) и другие историки обратили внимание на то, что мы можем получить доступ к историческим событиям только через проникновение в чувства и понимание людей. Известное высказывание, что каждое время переписывает свою историю, нужно понимать так, что каждая эпоха задает свои вопросы истории и исторические факты каждый раз понимаются по-иному.

Сегодня исторические науки находятся в состоянии преобразования. Преобладающим является более внимательное отношение к теориям и методам социальных наук.

История психологии служит различным целям. Ранее она часто служила для обоснования психологии как полноценной научной дисциплины. Методы историографии, конечно, нельзя рассматривать независимо от этих функций. Кто понимает историю исключительно как созерцательное размышление о прошлом, будет рассматривать ее, прежде всего, как описание «значимых» событий или «великих» личностей.

На школьных уроках для нас было привычным связывать историю с Александром Македонским, Цезарем, Карлом Великим (великим даже в имени!), Бисмарком или Наполеоном. Этому соответствует широко распространенное мнение, что историю делают великие люди. Даже не принимая во внимание то, что при таком подходе женщины снова забыты, нужно задаться вопросом, стоит ли приписывать историческое развитие отдельным «великим» личностям.

Конечно, экспериментально нельзя проверить, сделал бы другой человек в той же исторической ситуации это же или что-то другое. Но многие аргументы в истории психологии говорят против так называемого «great men»-подхода. Теория, исследовательская гипотеза, терминология и возможная сфера приложения не падают с неба: у Павлова были сотрудники, Фрейд ссылаясь – правда, часто без цитирования – на учеников и учениц.

Однако гораздо большая часть историко-психологических описаний несет отпечаток личности. Имеются в виду не только отдельные авто-

биографии, собрания автобиографий (например, Pongratz, Traxel und Wehner, 1972, 1979, Wehner, 1992, Lück, 2004), биографии и собрания биографий (например, v. Bonin, 1983, Volkmann-Raue & Lück, 2011), но и обширные трактаты по истории психологии или ее частных разделов на основе жизнедеятельности отдельных людей. Самая детализированная история психологии такого рода – это «История экспериментальной психологии» (1929) Эдварда Боринга (Edward G. Boring). Представление Боринга об истории экспериментальной психологии очень сильно критиковались, в том числе из-за пристрастности автора. Тем не менее она остается примером глубоко досконального исследования по истории психологии.

Во втором издании своей «Истории экспериментальной психологии» (1950) Боринг попытался больше опереться на культурно-исторические течения и представить исследователя-психолога немного менее как «великого человека» и чуть более как часть своей культуры. Немецкое понятие «дух времени» стало для Боринга любимым выражением, объясняющим возникновение и исчезновение психологических школ и течений. Попытка постичь историю психологии больше как историю культуры, безусловно, была прогрессом, однако, естественно, также он не устоял перед соблазном концепции духа времени. Велика опасность, что автор позволяет веять духу времени тогда, когда он не может или не хочет назвать более точные причины для изменившихся потребностей, установок и прочего.

Звучит несколько саркастически, хотя это не подразумевалось. Но проблема представления научной дисциплины в аспекте истории идей состоит в том, чтобы распознать и предчувствовать гуманитарные течения времени и выявить развитие науки в русле этих течений или в противовес им.

Итак, в истории идей речь идет о том, чтобы представить развитие концепций, теорий и парадигм в науке. В основном это происходит через описание важнейших теорий, их развития и преодоления их ограничений. История идей создается почти всегда хронологически и естественно опирается на «учителя» и его «учеников», то есть на биографии. Немецкоязычную историю идей в психологии от греческой философии до современности издал Nehlmann (1967).

История развития идей как часть культурной и духовной истории составлена хронологически. Она показывает, как, к примеру, разворачивалась теория из размышлений и заключений предше-

ственников (так называемая программа развертывания). При изучении истории проблемы исследователи отступают от хронологической последовательности и действуют в интересах более сильной систематизации отдельных проблем. Это приводит к тому, что при любом вопросе – и другом аспекте – нужно возвращаться к началам. Понгратц написал обширную историю проблем психологии (Pongratz, 1967), в которой он среди других вопросов разбирает с точки зрения истории психологии проблемы бессознательного, переживания, поведения. На самом деле, в психологии существуют основополагающие вопросы, которые рассматриваются снова и снова с различных точек зрения и все новыми методами исследования: например, психофизиологическая проблема. Понятно, что история проблем психологии не может быть простым хронологическим описанием развития науки. Она ориентирована на фундаментальные вопросы и анализирует их с точки зрения различных эпох. Это предполагает хорошее знание этих эпох. В целом, этот многообещающий вид истории психологии встречается не очень часто.

Единого понимания социальной истории не существует. В течение долгого времени это понятие служило только для описания истории нижних социальных слоев и особенно социальных движений. Во втором, общем, смысле под социальной историей понимается общая история культуры, то есть практически «история без политики». В третьем, очень расширенном, значении социальная история упоминается в контексте развития общества и производства, это история социально-экономических формаций.

Ни одно из трех определений не передает точного смысла, в котором сегодня о социальной истории говорят психологи. Новая социальная история психологии понимается как общественная история научной дисциплины, которая в постановке вопросов и методах отличается от истории идей тем, что она более сильно, чем традиционная история идей, выявляет социальные, особенно общественные, политические и институциональные связи и условия психологического исследования. Новое написание истории психологии не отклоняет рассмотрение предмета психологии в аспекте истории идеи или проблемы как принципиально неправильное.

Оно только сильнее подчеркивает, что история психологии не должна сводиться к изолированно думающим и действующим людям, к теориям и результатам исследования. Она должна не только

предъявлять доказательства правомочности психологии как научной дисциплины, но и быть ее «совестью» (указывать на разрывы в истории, отсутствие преемственности, постоянно напоминать об упущенных возможностях) и корректирующим фактором (вносящим поправки и дополнения). При этом история психологии теряет «пользу» «свидетельствующей» дисциплины, но приобретает для науки большее значение, если смотреть в целом, так как задает вопросы, сомневается, обращает внимание, побуждает и т. д. Траксель (Traxel, 1985) описал этот вид истории психологии как «активную» историю (в противоположность «созерцательной»).

Важной областью социальной истории психологии является анализ отдельных школ и институтов психологии. Что благоприятствовало возникновению? Кому были интересны результаты исследований? Как исследования финансировались? Как они получали распространение? Понятие «контекстуальной» точки зрения в истории психологии стало важным благодаря Курту Данцигеру (Kurt Danziger, 1990). Данцигер ясно показал, что исследование в психологии в значительной степени является социальным процессом, в котором для развития научной области важно взаимодействие между учеными, а также между исследователем и испытуемыми.

Современную социальную историю психологии представили в своей книге Йероен Янц и Петер Ван Друнен (Janz & van Drunen, 2004). Представление о социальной истории психологии на немецком языке можно найти также у Аша и Гойтера (Ash und Geuter, 1985), Люка и др.

В исследовании по истории психологии не используются какие-то другие методы, по сравнению с историческими науками в целом. Однако при этом подчеркивается, что психология является молодой наукой и поэтому должна быть отнесена только к Новейшей истории. Но уже генеалогические исследования могут принести интересные открытия. Имеется в виду не только выяснение родственных отношений, но и, например, вопрос, кто был чьим учеником. Хилликс (Hillix, 1980) установил для доцентов психологии большого американского университета генеалогическую научную руководителей и сделал вывод, что примерно половина всех работающих в США психологов «происходят» от Вильгельма Вундта. Это подчеркивает влияние Вундта, даже если отдельный американский психолог не представляет вундтовское понимание психологии.

В рамках статьи невозможно продемонстри-

ровать весь «инструмент историка». Однако четыре важнейшие для истории психологии области деятельности будут описаны в общих чертах.

В широком смысле источниками являются все тексты, предметы или факты, из которых могут быть получены знания о прошлом. В более узком смысле подразумеваются литературные источники, а также устная и письменная информация: мифы, сказания, песни, летописи, хроники, биографии, мемуары, дневниковые записи, письма, фотоальбомы, газеты, протокольные записи, постановления органов власти, положения об учебном процессе и порядке проведения экзаменов, кафедральные отчеты, протоколы заседаний, заявления, отзывы, рецензии, конспекты лекций и т. д. (Вы помните о тренировочном задании? Какие источники кажутся вам особенно подходящими для выбранной вами личности ученого?)

Как правило, историческая познавательная ценность тем выше, чем ближе источник к событию. Так, различают первичные и вторичные источники. С одной стороны, существуют воспоминания, которые писал пожилой Вильгельм Вундт о времени своей учебы и своих первых физиологических исследованиях (Wundt, 1920), с другой – как первичный источник должны быть оценены письма Вундта к семье, относящиеся к самому этому периоду. На самом деле оказывается, что эти письма представляют некоторые обстоятельства его первых исследовательских работ по другому – и, конечно, более реалистично.

Воспоминания о жизни являются не только воспоминаниями того, что было; они всегда являются отфильтрованными, завершенными, отцензурированными представлениями о лично значимых, а также считающихся достойными упоминания переживаниях. Так, например, решение обратиться к определенной сфере исследования ретроспективно будет представлено очень обоснованным, хотя в действительности, возможно, к работе в этой, а не иной области привела лишь пара случайностей.

Биографии, по сравнению с автобиографиями, тоже можно оценивать в большинстве случаев как вторичные источники. Часто они еще более «приглаженные», и поскольку каждый биограф в определенной степени идентифицирует себя с представляемой личностью, биография содержит также черты биографа.

Отдавая предпочтение первичным источникам, нужно сказать, что вторичные источники, например биографии, часто обладают преимуществом

перспективы и дистанции во времени и пространстве по отношению к теме.

С течением времени не все документы остаются сохранными для исторического исследования. Многие были выкинуты, последствия оставили мировые войны. Исторически значимый материал, например, психологическая аппаратура, еще после Второй мировой войны опрометчиво была выставлена в большом количестве на обочинах дороги как крупногабаритный мусор. В последние десятилетия все чаще стал использоваться телефон там, где раньше средством коммуникации служили письма. Так как телефонные разговоры записываются только изредка, можно говорить о «телефонной дыре», в которой исчезают важнейшие источники. Правда, электронные письма являются письменными документами, однако они также часто стираются и исчезают.

Здесь важно указать, что сохранившийся материал хорошо, как ничто другое, представляет случайную выборку совокупности, то есть материал претерпевает селекцию. Это означает, что нужно думать как раз о не сохранным материале. Почему, например, в собрании писем отсутствуют письма определенного временного промежутка, или почему невозможно найти дела Правления Немецкого психологического общества периода национал-социализма?

Использование источников для постановки вопросов в гуманитарных науках может быть очень разным. В традиции гуманитарных наук центральным методом стала герменевтика как искусство или учение об интерпретации устного и письменного текста. Нужно опознать и интерпретировать понятия, обороты речи, элементы языка и стиля. При этом важно знать и учитывать, что именно было обычным, принятым в соответствующий период времени. Опасность исходить из общепринятых сегодня социальных норм, а все, что от них отклоняется, оценивать как странное или необычное, легко преодолима.

Герменевтическая интерпретация текста может привести к положительному результату только тогда, когда есть надежные предварительные знания о стиле, личности, времени, обычаях и т. д. Однако как же получать эти предварительные знания, если не из самих этих текстов? Таким образом, нужно что-то уже первоначально знать из того, чем хотел бы только овладеть. Исторические свидетельства освещаются двусторонне. И так как не существует строгих предписаний, с чего нужно начинать, работа напоминает круговое (или, по другому мнению, спиралевидное) движение. По-

этому говорят о так называемом герменевтическом круге.

Однако наряду с герменевтической интерпретацией существуют и другие методы использования источников. В последние десятилетия в исторических науках все чаще используются математико-статистические методы (см. Floud, 1980). Эти методы охватывают диапазон от простой дескриптивной статистики (например, книги регистрации рождений и смертей), через расчеты корреляций, определение регрессии до по-настоящему сложных мультивариантных методов. Принципиально речь идет об арсенале методов эмпирических социальных наук, приложимых к проблемам истории науки.

Однако некоторые методы используются чаще. К ним относится библиометрический анализ, например, количественная оценка цитирования в журналах (см. Heidbrink, 1991), анализ временных рядов тех или иных дат и так называемый анализ содержания (контент-анализ), который представляет количественную оценку текстов (реже изображений или др.). Почти все методы могут быть поняты как вклад социальной науки в – традиционно гуманитарные – исторические науки. Поэтому исследования такого рода обозначаются как «Историческая социальная наука» или «Историческая социология».

Как уже упоминалось, психологи иногда небрежно обходятся с документами своей истории. Это осложняет историческую работу. К счастью, существуют архивы, в которых собран материал по истории психологии. Использование этих архивов везде и всегда бесплатно, разумеется, не всегда без ограничений по причинам защиты прав личности и авторского права.

Прежде всего нужно назвать институт истории психологии университета Пассау, основанный Вернером Тракселем (Werner Traxel, 1924–2009). Этот институт в 2009 г. был переведен в Вюрцбургский университет и там стал подразделением «Центра Адольфа Вюрта» по истории психологии. В задачи института входит создание собраний литературы по истории психологии, психологического инструмента и оборудования, аппаратурных и других тестов, а также сбор архивных документов, то есть литературного наследия, документов, мемуарных записей, писем, фотографий и т. д. К интереснейшим документам этих архивов относятся некоторое научное наследие и большое количество (отчасти реставрированного) психологического оборудования (<http://www.awz.uni-wuerzburg.de/>). С 1998 г. в Заочном университете

города Хаген существует исследовательский архив по истории психологии (PGFA) с большим количеством наследия, пожертвований и дарений университету, тестов, звуковых документов и т. д. (<http://vs.fernuni-hagen.de/PGFA/>).

Крупнейший психологический архив вне ФРГ находится в университете Акрона в Акроне, штат Огайо. Этот огромный Архив по истории американской психологии содержит специальные библиотеки, службу информации, обширный киноматериал и др.

Иногда наследие отдельных психологов остается во владении семьи, но также часто в тех университетах, в которых эти исследователи работали. Так, например, наследие Вундта и Фехнера находится в Лейпциге. (Однако большая часть непосредственного наследия Фехнера была уничтожена во время Второй мировой войны). Об архивах, базах данных, полнотекстовых документах онлайн и другом можно узнать на сайте ZPID³ (<http://www.zpid.de/redact/category.php?cat=24>).

Наконец, нужно упомянуть музеи, важные для истории психологии. Так, «Немецкий музей» в Мюнхене располагает психологическим оборудованием и литературным архивом. Дом-музей Зигмунда Фрейда в Вене, по адресу Берггассе, 19 не только показывает квартиру, в которой Фрейд жил в течение почти 50 лет, но также хранит большое собрание психоаналитической литературы. В Лондоне (London-Hampstead, Maresfield Gardens 20) Фрейд провел в изгнании последние месяцы своей жизни. С 1987 г. этот дом также доступен как музей.

Историки сравнивают свою работу с чтением следов охотником или работой детектива. Действительно, сходство очевидно: из оставленного без специального умысла будут сделаны выводы о том, кто здесь был и что делал. Однако охотник таким образом хочет найти дичь и убить ее, детектив – раскрыть криминальный случай, и только историк работает со следами как таковыми. Обнаружив следы, он не может устанавливать капканы, или ловить вора при совершении нового деяния. Пожалуй, он может попробовать разработать гипотезу или установить соотношение отдельных вещественных доказательств с гипотезой. Животные оставляют свои следы непреднамеренно, однако люди могут оставлять или стирать следы сознательно. Исчезнувшие документы времен национал-социализма, например, наводят на подозрения о сознательно стертых следах.

Китайская пословица гласит: бледные чернила лучше ярких воспоминаний. В соответствии с этой пословицей ценностью, которая проявится позже, могли бы обладать кажущиеся малоценными (а, может, еще не известные) следы. Любимые психологами и социологами методы исследования – наблюдение, опрос и эксперимент – не очень-то применимы для анализа следов. И все же такие исследования существуют. Для таких действий в психологии и социологии было введено понятие *нереактивных способов измерения*⁴, так как здесь испытуемые не влияют или только в незначительной степени могли бы влиять на измеряемое положение вещей; процесс измерения не изменяет или только в небольшой степени изменяет измеряемое (например, установку). За исключением скрытого наблюдения и полевого эксперимента, все *нереактивные* методы обнаруживают прямое отношение к историческим методам исследования. Итак, здесь непосредственно встречаются методы истории науки и социальных наук.

До этого мы говорили исключительно об источниках, которые можно было бы искать, найти и на основе которых можно было бы делать выводы. Однако с некоторого времени историки науки широко используют возможности самим «создавать» источники фактов. Наиболее очевидный метод – это целенаправленный опрос о прошлом, о пережитых событиях. Среди ученых-историков так называемая «устная история» стала настоящим массовым движением.

Исторические методы все больше пересекаются с методами социальных наук и, таким образом, исследование по истории психологии может извлечь большую пользу из опыта проведения беседы и интервью в клинической психологии. Исследование рассказов очевидцев в истории психологии оценивается как относительно дорогостоящее. Нужно сделать звукозапись и тщательно ее расшифровать; и только небольшая часть сказанного может иметь значение. Но преимущества метода состоят в его живости, образности и прежде всего в возможности использовать данные целенаправленно.

Например, Гейтер эффективно использовал метод устных историй в своих многочисленных опросах психологов как свидетелей времени нацизма (Geuter, 1984). Его опыт убедителен [4, с. 75]: «Интервью дали определенный вид информации субъективного характера, который нельзя получить из так называемых объективных источников. Они создали впечатление о том, как интервьюируемые пережили время и осуществляли в нем

свою профессиональную деятельность, они рассказали слушателю своего рода эпос о профессии, в том числе некоторые эпизоды старых споров, доселе запертых на ключ. Их ценность состоит в уровне фактов, так как в беседах часто звучала информация, которую совсем нельзя найти в архивах, и знание этих фактов позволяет взглянуть на документы совсем по-другому. Прежде всего они фокусируют внимание (...) на деталях. У меня создалось впечатление, что тем, кто наблюдает время с большой исторической дистанции, скорее не хватает взгляда на многочисленные мелкие противоречия. А в поле зрения тех, кто был непосредственным участником событий, скорее попадают межпредметные взаимосвязи, и для них история распадается на мелкие случайные жизненные шаги. Для каждого факта существует конкретная причина, но она не должна трактоваться как его полное основание».

Данные, с которыми работают ученые-историки, часто организованы хронологически: число самоубийств в день, количество членов научного общества. Данные такого вида могут быть переведены во временной ряд и графически представлены (например, в форме диаграммы).

Уже в этом простом графическом представлении обнаруживаются процессы, которые можно описать как тенденции. Однако обычно не ограничиваются только наглядным описанием того, что видно, а проводится численная оценка тенденции. Метод, часто используемый для численной оценки тенденции, – это метод малых квадратов. При этом методе через множество точек прокладывают такую прямую, у которой сумма квадратов расстояний каждой отдельной точки от прямой меньше, чем при всех других прямых. Естественно, другими методами можно определить криволинейные тенденции, максимум, минимум и точку перегиба.

Тщательный анализ таких тенденций позволяет делать некоторый прогноз. В историко-психологическом исследовании часто подсчитывают число публикаций по отдельным психологическим темам или частным областям (агрессия, мотивация достижения и т. д.), чтобы обнаружить тенденции для дальнейших исследований. В любом случае данные анализируются и объясняются не сами по себе. Нужно серьезно следовать поставленной проблеме; так, например, исследование ритмических колебаний на графике нужно объяснять не колебаниями настроения, а на основе гипотезы.

Резюме

В психологии довольно часто пренебрегают историей психологии, хотя она может дать важные указания и ориентации и, возможно, даже уберечь от старых ошибок. Существуют различные модели написания истории, из которых «контекстуальная» история психологии показала в последние 20 лет особую надежность. История психологии использует многообразные источники. Занятие историей психологии не только приносит пользу, но и позволяет видеть, как много еще неисследованных областей, в которых должны быть сделаны удивительные открытия

Библиографический список

1. Boring E. G. (1950). A History of Experimental Psychology, 2nd Ed. New York: Appleton Century Crofts.
2. Danziger, K. (1990). Constructing the subject: Historical origins of psychological research. New York: Cambridge University Press.
3. Eckardt, G. (2010). Kernprobleme in der Geschichte der Psychologie. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
4. Geuter, U. (1984). Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
5. Jansz, J. & van Druen, P. (2004). A social history of psychology. Oxford: Blackwell.
6. Lück H. E., Grothe S. & Schmidt C. O. (2004). Kalendarium der Psychologiegeschichte 1904–2004. <http://vs.fernuni-hagen.de/dgps/>
7. Schönplflug, W. (2004). Geschichte und Systematik der Psychologie. Ein Lehrbuch für das Grundstudium. 2. Aufl. Weinheim: Beltz.

Bibliograficheskij spisok

1. Boring E. G. (1950). A History of Experimental Psychology, 2nd Ed. New York: Appleton Century Crofts.
2. Danziger, K. (1990). Constructing the subject: Historical origins of psychological research. New York: Cambridge University Press.
3. Eckardt, G. (2010). Kernprobleme in der Geschichte der Psychologie. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
4. Geuter, U. (1984). Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
5. Jansz, J. & van Druen, P. (2004). A social history of psychology. Oxford: Blackwell.
6. Lück H. E., Grothe S. & Schmidt C. O. (2004). Kalendarium der Psychologiegeschichte 1904–2004. <http://vs.fernuni-hagen.de/dgps/>

7. Schönplflug, W. (2004). Geschichte und Systematik der Psychologie. Ein Lehrbuch für das Grundstudium. 2. Aufl. Weinheim: Beltz.

Reference List

1. Boring E. G. (1950). A History of Experimental Psychology, 2nd Ed. New York: Appleton Century Crofts.
2. Danziger K. (1990). Constructing the subject: Historical origins of psychological research. New York: Cambridge University Press.
3. Eckardt G. (2010). Kernprobleme in der Geschichte der Psychologie. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
4. Geuter U. (1984). Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
5. Jansz J. & van Druen, P. (2004). A social history of psychology. Oxford: Blackwell.
6. Lück H. E., Grothe S. & Schmidt C. O. (2004). Kalendarium der Psychologiegeschichte 1904–2004. <http://vs.fernuni-hagen.de/dgps/>
7. Schönplflug W. (2004). Geschichte und Systematik der Psychologie. Ein Lehrbuch für das Grundstudium. 2. Aufl. Weinheim: Beltz.

¹ «Am Spiegelgrund» – детская клиника в Вене, где во время нацистского режима проводились эксперименты над большими детьми, а в рамках программы эвтаназии было убито около 800 детей. Сегодня имя «Am Spiegelgrund» является синонимом преступлений, совершенных нацистскими медиками (прим. переводчика. – В. М.).

² По свидетельству сотрудников Государственного исторического музея-заповедника «Ленинские Горки», личная библиотека В. И. Ленина находится в настоящее время в их музее (прим. переводчика. – В. М.).

³ Leibniz Institute for Psychology Information (Leibniz-Zentrum für Psychologische Information und Dokumentation, ZPID) (прим. переводчика. – В. М.).

⁴ Надо отметить, что данная группа методов является весьма интересной, однако не получила пока распространения в психологических исследованиях в нашей стране. Фактически речь идет об использовании материальных свидетельств, за которыми стоят определенные психологические и социально-психологические явления. Например, износ определенных участков пола в музее может свидетельствовать об интересах посетителей музея; потертость книг в библиотеке или определенных страниц в книге – об интересах читателей; коллекция пустых пивных банок или пачек сигарет разного времени – об изменении привлекательности товара для потребительского поведения.